

УДК 811.112.2'42

ИМПЛИЦИТНЫЕ СМЫСЛЫ В ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Л.Р. Безуглая (Харьков, Украина)

Безуглая Л.Р. Имплицитные смыслы в дискурсе: когнитивно-коммуникативный подход. В статье с привлечением когнитивно-коммуникативного подхода систематизируются речеактовые имплицитные смыслы, функционирующие в немецкоязычном диалогическом дискурсе. Эти смыслы характеризуются интендированностью, т.е. наличием в коммуникативной интенции адресанта перлокутивной цели донести имплицитный смысл до адресата. Описывается когнитивно-прагматическое поле дискурсивной импликации, имеющее доминанту, ядро и периферию и включающее, соответственно, полиимпликативные, моноимпликативные и конвенционализированные речевые акты.

Ключевые слова: дискурсивная импликация, иллюкуция, имплицитный речевой акт, интенция, перлокуция, поле, пропозиция.

Безугла Л.Р. Імплицитні смисли в дискурсі: когнітивно-комунікативний підхід. У статті із залученням когнітивно-комунікативного підходу систематизуються мовленнєвоактові імплицитні смисли, що функціонують у німецькомовному діалогічному дискурсі. Ці смисли характеризуються інтендованістю, тобто наявністю в комунікативній інтенції адресанта перлокутивної цілі донести імплицитний смисл до адресата. Описується когнітивно-прагматичне поле дискурсивної імплікації, що має домінанту, ядро й периферію та включає, відповідно, поліімплікативні, моноімплікативні й конвенціоналізовані мовленнєві акти.

Ключові слова: дискурсивна імплікація, іллокуція, імплицитний мовленнєвий акт, інтенція, перлокуція, поле, пропозиція.

Bezugla L.R. Implicit Meanings in Discourse: Cognitive-Communicative Approach. Implementing a cognitive-communicative approach this paper gives a systemic view of speech act implicit meanings functioning in the German dialogical discourse. These meanings are proved to be intended, that is, the speaker's communicative intention presupposes the presence of a perlocutionary goal to render their implicit meaning to the hearer. A cognitive-pragmatic field of discursive implication is described as having a dominant or a nucleus and a periphery; it is formed by poly-implicative, mono-implicative and conventionalized speech acts accordingly.

Key words: discursive implication, field, illocution, implicit speech act, intention, perlocution, proposition.

1. Постановка проблемы. Статья посвящена описанию результатов исследования когнитивно-прагматических характеристик имплицитных смыслов в современном немецкоязычном диалогическом дискурсе.

Языковедческое изучение имплицитных смыслов связано прежде всего с прагмалингвистикой, которая знаменовала поворот от изучения структурных особенностей языка к особенностям реализации языка в речи, насквозь пронизанной небуквальностью. Хотя имплицитные смыслы изучались еще античной риторикой, именно прагмалингвистике принадлежит заслуга проникновения в то, что ‘скрыто между строк’. Прагматический поворот, ознаменовавшийся фундаментальными трудами в области непрямых реализаций речевого акта (далее – РА) [Austin 1962; Grice 1991; Searle 1982; Wunderlich 1972], активизировал исследования косвенных РА [Герасимова 1986; Поспелова 1988; Почепцов 1986; Романов 1986 и др.]. С другой стороны, появился ряд работ, изучающих имплицитность на разных языковых уровнях [Арнольд 1982; Багдасарян 1983; Долинин 1983; Старикова 1974; Федосюк 1988; Шендельс 1977 и др.].

Возросло количество исследований, которые ставят во главу угла функционирование имплицитных смыслов в реальной коммуникации [Бацевич 2000; Имплицитность 1999; Кобозева, Лауфер 1988; Лисоченко 1993; Нефедова 2001; Сыщиков 2000 и др.]. Однако их природа не нашла общепринятого понимания в плане размежевания интендированных имплицитных смыслов (*intended* – термин П. Грайса [Grice 1991]), актуализированных в дискурсе на основе коммуникативной интенции говорящего, и неинтендированных имплицитных смыслов.

В современной лингвистике системное разграничение интендированных и неинтендированных имплицитных смыслов [Дементьев 2006; Масленникова 1999] активизировало изучение последних [Белозьорова 2007; Непрямая коммуникация 2003; Семантико-дискурсивные... 2005; Федоренко 2007 и др.]. Существующие исследования имплицитных смыслов, выраженных при помощи средств немецкого языка, описывают широкий круг языковых и речевых явлений, связанных с небуквальностью, однако им недостает системности и теоретической обоснованности, так что задача систематизации интендированных имплицитных смыслов, изучения закономерностей их порождения, восприятия и способов языковой репрезентации остается по сей день нерешенной.

С появлением новой когнитивно-коммуникативной парадигмы в прагмалингвистике формируется новый поход – когнитивно-прагмалингвистический, который интегрирует коммуникативные и когнитивные исследования языка [Шевченко 2008, Carston 2002; Sinclair 1995; Sperber, Wilson 1990]. Именно когнитивная прагмалингвистика дает в

распоряжение исследователю имплицитных смыслов новейшую интегративную методологию и широкий спектр методов, применение которых делает возможным всестороннее освещение взаимосвязей языка и речи, мыслительной и коммуникативной деятельности говорящих, эксплицитного и имплицитного в вербальной коммуникации.

Применение когнитивной прагмалингвистики в качестве теоретической базы для исследования имплицитных смыслов обеспечивает установление когнитивных оснований этих смыслов, с одной стороны, и их коммуникативно-прагматических и языковых воплощений, с другой. В этом состоит **актуальность** описываемого исследования, **цель** которого состояла в выявлении природы речеактовых имплицитных смыслов и механизмов их вербализации в современном немецкоязычном диалогическом дискурсе.

Объект исследования – речеактовые имплицитные смыслы, вербализованные в современном немецкоязычном диалогическом дискурсе, которые изучаются на **предмет** когнитивных, коммуникативно-прагматических и языковых закономерностей их функционирования.

2. Когнитивная прагмалингвистика как теоретическая база исследования имплицитных смыслов. Тезисы о сосуществовании аналитических подходов как взаимодополняющих и о параллельном применении разных моделей коммуникации для объяснения функционирования смыслов в дискурсе [Сусов 2006: 148; Sperber, Wilson 1990: 3] дают основание полагать, что в диалогическом дискурсе:

- эксплицитные смыслы кодируются и декодируются согласно кодовой модели;
- интендированные имплицитные смыслы интендируются и выводятся согласно инференционной модели;
- неинтендированные имплицитные смыслы демонстрируются и интерпретируются согласно интеракционной модели коммуникации.

Соответственно, конструирование смыслов в ментальных репрезентациях коммуникантов имеет три типа: ‘кодирование – декодирование’, ‘интендирование – вывод’, ‘демонстрация – интерпретация’.

Единицей анализа имплицитных смыслов в диалогическом дискурсе является РА, поскольку именно при его реализации на основе коллективной интенции коммуникантов имеет место конструирование ими обоими интендированных имплицитных смыслов. Анализ РА в дискурсе не может быть полноценным без привлечения перлокутивного аспекта. Поэтому, анализируя имплицитный смысл, следует опираться не на отдельный РА, а на дискурсивную последовательность, представляющую речевое взаимодействие коммуникантов, которые совместно конструируют определенные смыслы.

Под **речевым актом** понимается дискурсивно-речевое взаимодействие коммуникантов, основывающееся на их коллективной интенции, в процессе которого ими конструируются смыслы – пропозициональные, иллокутивные и перлокутивные. Ключевым в этой дефиниции является определяющее понятие

– ‘дискурсивно-речевое взаимодействие’, которое акцентирует, во-первых, совместную речевую деятельность коммуникантов (а не деятельность одного адресанта, как это понимается в классической теории РА), во-вторых, погруженность речевой деятельности в широкий дискурсивный контекст (а не ее изолированность от когнитивной и коммуникативной активности говорящих).

Такое понимание РА соответствует принципам когнитивной прагмалингвистики, объединяющей когнитивно-семантические и коммуникативно-прагматические исследования языка и речи. От классической (коммуникативной) прагматики когнитивную прагмалингвистику отличает привлечение когнитивистской методологии, которая задает новый вектор анализа: РА изучаются как коммуникативный процесс, берущий начало в ментальной сфере говорящего, что обеспечивает сосредоточение на мыслительных и речевых процессах в их взаимосвязи. Исходной точкой анализа становится коммуникативная интенция как ментальное состояние коммуниканта, предполагающее наличие у него иллокутивной и перлокутивной целей и обуславливающее формирование смысла РА. Так семантика (пропозициональный смысл) и прагматика (иллокутивный и перлокутивный смыслы) предстают взаимосвязанными и взаимообусловленными благодаря выходу на когнитивный уровень анализа. Таким образом, коммуникативная прагматика акцентирует акциональные аспекты языковой коммуникации, когнитивная прагматика подчеркивает интенциональные аспекты, которые определяют акциональные аспекты, предшествуя им.

Дискурс в когнитивной лингвистике понимается как мысле-коммуникативная деятельность, которая является единством процессуального и результативного аспектов, с одной стороны, и экстраязыкового и языкового аспектов, с другой [Шевченко 2005: 17]. Языковой аспект дискурса предполагает речевую деятельность коммуникантов (процесс) и текст (ее продукт). Экстраязыковой аспект включает когнитивную, коммуникативную деятельность и дискурсивный контекст. Дискурс представляет собой мысле-коммуникативную речевую деятельность коммуникантов в широком (ситуативно-коммуникативном, социо-культурном, когнитивно-психологическом) контексте, зафиксированную текстом. Минимальной единицей дискурса является РА. Если реализуются имплицитные РА, то целесообразно говорить о непрямом дискурсе. В непрямом дискурсе имплицитные смыслы конструируются коммуникантами по схеме ‘интендирование – вывод’ в ходе реализации имплицитных РА – его минимальных единиц.

Таким образом, непрямой дискурс есть мысле-коммуникативная речевая деятельность коммуникантов в широком контексте, которая основывается на дискурсивной импликации и фиксируется текстом имплицитно.

Имплицитные РА определяем как дискурсивно-речевое взаимодействие коммуникантов, в процессе которого ими конструируются имплицитные

смыслы – пропозициональные, иллокутивные и перлокутивные. Иными словами, это такие РА, в которых при интендировании адресантом и выведении адресатом речеактового смысла переосмысливается один или несколько компонентов РА.

Имплицитность языкового выражения проявляется наиболее ярко в диалогическом дискурсе, понимаемом как мысле-коммуникативная речевая деятельность коммуникантов в широком контексте, зафиксированная диалогическим текстом. Имеется в виду диалогический дискурс как в формальном аспекте (который соответствует пониманию диалога как текста), так и в функциональном аспекте (который коррелирует с пониманием диалога как речи).

3. Дискурсивная импликация. Когнитивно-прагматический подход к анализу имплицитных смыслов обуславливает рассмотрение дискурсивной импликации как когнитивно-прагматической категории, объединяющей когнитивный, коммуникативно-прагматический и языковой аспекты имплицитных смыслов.

Дискурсивная импликация представляет собой ментально-коммуникативный процесс конструирования адресантом и адресатом речеактового имплицитного смысла по типу ‘интендирование – вывод’, в результате чего реализуется не прямой дискурс. Дискурсивная импликация сопровождает и обуславливает реализацию имплицитных РА в дискурсе, в ходе которой имплицитный смысл находят языковое (имплицитное) выражение в высказываниях немецкого языка. Так в исследовании имплицитных смыслов отражается характерная для когнитивной прагмалингвистики интеграция предмета говорения (мысль), средства говорения (язык) и способа говорения (речь).

Система дискурсивной импликации предстает как “множество элементов с отношениями и связями между ними, которые образуют определенную целостность” [Бондарко 1984: 47]; элементами этой системы являются соответствующие РА – своеобразные “носители” данной категории, которые объединяются этой категорией в когнитивно-прагматическое поле.

Под категорией понимается парадигматическая группировка, образующаяся на основе общности определенных признаков, которые вариативно репрезентированы в языке и речи при помощи разноуровневых средств [Бондарко 1984; Карасик 2002: 167ff; Мещанинов 1978]. Речь идет о понятийных лингвистических категориях, которые являются универсальными, однако способы их репрезентации “обусловлены конкретным языком как инструментом познания мира, приоритетными для данного языка грамматическими способами, их комбинаторикой, их взаимодействием со всеми остальными способами выражения содержания в языке” [Карасик 2002: 168].

Свойства понятийных лингвистических категорий выделены И. И. Мещаниновым [Мещанинов 1978]. Эти категории:

- являются категориями сознания (т.е. их денотаты не существуют в реальном мире);
- обладают признаком системности;
- вариативно выявляются в языке, в частности, в семантике лексики, синтаксическом строе предложения, в морфологическом оформлении слова.

Когнитивно-прагматические категории имеют определенную специфику третьего из данных свойств: они проявляются, прежде всего, в речи – в процессе реализации РА, будучи связанными с речемыслительной деятельностью говорящих во время реализации дискурса. Систематизация таких РА основана на принципе когнитивно-прагматического поля. Понятие поля трактуется как форма описания языковых единиц, объединенных на основании общности и взаимодействия их признаков [Бондарко 1984].

Категория дискурсивной импликации представляет собой тот когнитивно-прагматический инвариант, который объединяет различные РА на основе общности и взаимодействия присущих данной категории признаков. Кластер признаков, который обеспечивает функционирование полевой структуры категории дискурсивной импликации, имеет следующий вид:

- реализация пропозициональной импликации;
- реализация иллокутивной импликации;
- реализация составной перлокутивной импликации;
- имплицитность речеактовых смыслов.

Пропозициональная импликация представляет собой ментально-коммуникативный процесс конструирования адресантом и адресатом в диалогическом дискурсе пропозициональных имплицитных смыслов по типу 'интендирование – вывод', т.е. процесс интендирования адресантом и вывода адресатом имплицитного пропозиционального компонента смысла. Если имплицитно выражена часть эксплицитной пропозиции, реализуется дискурсивная имплицитатура, если имплицитно выражена вся пропозиция, реализуется дискурсивная импликатура.

Иллокутивная импликация представляет собой ментально-коммуникативный процесс конструирования адресантом и адресатом иллокутивных имплицитных смыслов в диалогическом дискурсе по типу 'интендирование – вывод', т.е. когнитивный процесс интендирования адресантом и вывода адресатом имплицитного иллокутивного компонента речеактового смысла. Этот вид импликации имеет место в случае употребления неконвенционального для соответствующей иллокуции структурного типа высказывания (например, утверждение вместо просьбы) или перформативного типа высказывания (например, поздравление как выражение эмоций).

Перлокутивная импликация – ментально-коммуникативный процесс конструирования адресантом и адресатом перлокутивных имплицитных смыслов в диалогическом дискурсе по типу 'интендирование – вывод', т.е.

когнитивный процесс интендирования адресантом и вывода адресатом перлокутивного имплицитного смысла.

Такое понимание перлокутивной импликации основывается на модификации классического определения перлокуции, в которое включаются ее основные свойства – интендируемость и удачность: **перлокутивный акт** (перлокуция) – компонент РА, представляющий собой интендированное удачное воздействие адресанта на мысли, чувства и действия адресата или третьего лица посредством локутивного и иллокутивного актов. Неинтендированное воздействие квалифицируется как перлокутивное последствие, неудачный РА с точки зрения осуществления воздействия – как перлокутивная попытка.

Различается простая перлокутивная импликация (ассоциируемая и неассоциируемая) и составная. Ассоциируемая перлокутивная импликация имеет место, если структурный тип высказывания, реализующий иллокутивный и соответствующий ассоциируемый перлокутивный акты, не является конвенционально принятым для определенного типа РА. Адресант имеет при этом перлокутивную цель донести до адресата иллокутивную импликацию. Неассоциируемая перлокутивная импликация основывается на имплицитном способе выражения пропозиционального смысла РА. Адресант имеет при этом перлокутивную цель донести до адресата пропозициональную импликацию.

Составную перлокутивную импликацию наблюдаем, когда в одном РА представлены и иллокутивные, и пропозициональные имплицитные смыслы. Именно составная перлокутивная импликация выделяется в качестве одного из признаков дискурсивной импликации, поскольку она совмещает в себе обе возможности интендирования имплицитных смыслов – интендирование иллокутивных имплицитных смыслов и интендирование пропозициональных имплицитных смыслов.

Перлокутивная импликация играет определяющую роль относительно пропозициональной и иллокутивной импликации, поскольку она основывается на дополнительной перлокутивной цели адресанта – донести до адресата иллокутивную и / или пропозициональную импликацию. Чтобы РА можно было назвать имплицитным, его имплицитный смысл должен быть совместно сконструирован адресантом и адресатом, т.е. перлокутивная цель адресанта донести до адресата имплицитный смысл должна быть достигнута.

Имплицитность речеактовых смыслов предполагает их низкую степень конвенционализации. Конвенционализация – процесс приобретения словами и высказываниями конвенционального значения / смысла [Герасимова 1986; Дементьев 2006: 31; Busse 1991; Wunderlich 1972: 33] – положена в основу разделения имплицитных смыслов на конвенционализированные и имплицитивные (по критерию степени конвенционализации).

Степень конвенционализации эксплицитных смыслов максимальна, имплицитивных – минимальна, поэтому последние имеют такой признак, как имплицитивность (необходимость вывода). Чем более конвенционализирован

имплицитный смысл высказывания адресанта, тем быстрее процесс его вывода адресатом и тем менее вероятна реакция непонимания, проявляющаяся в реактивных ходах.

Выделяемое поле дискурсивной импликации является:

- когнитивно- прагматическим – когнитивным по характеру лежащей в его основе категории дискурсивной импликации, прагматическим по характеру выражающих эту категорию единиц – имплицитных РА;
- объемно-скалярным – в виду скалярных и диффузных эффектов, которые демонстрируют его компоненты.

Скалярный характер категории дискурсивной импликации отражает разную степень интенсивности реализации признака имплицитности смысла: периферийные компоненты не имеют признака имплицитности, в компонентах доминанты она сильнее, чем в компонентах ядра поля. Диффузный характер категории дискурсивной импликации определяется возможностью взаимного наложения ее видов, так что отдельно взятый РА способен иллюстрировать несколько типов имплицитного РА.

4. Когнитивно-прагматическое поле импликации в немецкоязычном дискурсе. Систематизация имплицитных РА путем построения когнитивно-прагматического поля дискурсивной импликации позволила установить, что данное поле имеет доминанту, ядро и периферию.

На периферии поля находятся **конвенционализированные РА, имеющие только один признак** (иллокутивную или пропозициональную импликацию).

В зависимости от того, какой компонент речеактового смысла подвержен конвенционализации, конвенционализированные РА распадаются на имплицитные РА с конвенционализированной иллокуцией (косвенные РА) (1) и имплицитные РА с конвенционализированной пропозицией (2) (после знака +> ('интендирует') эксплицирован имплицитный смысл):

(1) Grötzinger: Kannst du feststellen, ob und wieviel ich von der Steuer absetzen kann? (+> *Stell fest, ob und wie viel ich von der Steuer absetzen kann!*)

Pfanzelt macht sich eine Notiz. (*Sperr, S. 8*)

Гретцингер: Можешь установить, могу ли я урезать налоги и на сколько? (+> *Установи, могу ли урезать налоги и на сколько!*)

Пфанцельт записывает.

(2) Mitglied: Sag mal, weißt du, wo sie sich versammelt haben? (+> *Wo haben sie sich versammelt?*)

Berichterstatter: *Soviel ich weiß, hier nebenan.* (*Müller, S. 45*)

Член: Скажи, ты знаешь, где они собрались?

Докладчик: *Насколько я знаю, тут рядом.*

Подчеркнутые высказывания служат для реализации РА, смыслы которых являются имплицитными (конвенционализированными): в дискурсивном фрагменте (1) наблюдаем переосмысление квеситива в директив

(распоряжение) без переосмысления пропозиции; во фрагменте (2) реализован квеситив с переосмыслением пропозиции.

В разграничении эксплицитных и конвенционализированных речеактовых смыслов решающим является критерий контекста по Д. Вундерлиху [Wunderlich 1972]: в отличие от эксплицитного смысла, который является конвенционально закрепленным в виде значения за определенными знаками конкретного языка, конвенционализированный смысл распознается только в контексте, хотя он зафиксирован в словарях.

Импликативные смыслы являются окказиональными, авторскими, не зафиксированными словарями. В импликативных РА выделяются моно- и полиимпликативные.

Ядро поля – **моноимпликативные РА** – имеют два признака (пропозициональную импликацию и импликативность смыслов). Среди таких РА в зависимости от типа пропозициональной импликации выделены РА с дискурсивными имплицитурами, с индуктивными, дедуктивными и метафорическими имплицитурами.

Доминанта поля – **полиимпликативные РА** – имеют все признаки дискурсивной импликации. Если в моноимпликативных РА конструируется только пропозициональный имплицитный смысл (3), то в полиимпликативных – пропозициональный и иллюкутивный имплицитные смыслы (4):

(3) Gerhard: Ich habe Angst, daß bei uns jetzt die Hysterie gegen Ausländer einsetzt.
(+> Das waren Ausländer in New York)

Johannes: Warum?

Mascha: Weil dein Vater weiß, daß es Ausländer waren in New York.
(Beltz, S. 139)

Герхард: Я боюсь, что у нас начнется истерика против иностранцев
(+> Это были иностранцы в Нью-Йорке)

Йоханнес: Почему это?

Маша: Потому что отец знает, что это были иностранцы в Нью-Йорке.

(4) Rauch: Adjeu. Zum Sanitäter: Wo liegt er denn, der Herr Landgerichtsdirektor?
Noch da drinnen? (+>Bringen Sie ihn in die Sanitätsbaracke!)

Der Sanitäter: Zu Befehl, Herr Kommerzienrat!
(Horváth: Kasimir und Karoline, S. 223)

Раух: Адъё. Санитару: А где он лежит, этот господин директор суда?
Все еще там внутри? (+>Отнесите его в санитарный барак!)

Санитар: Слушаюсь, господин коммерческий советник!

Во фрагменте (3) адресант вкладывает в свой РА ассертив дополнительный пропозициональный смысл, имплицитно высказывая мысль о причастности иностранцев к теракту в Нью-Йорке. Во фрагменте (4) после праздника пива (*Oktoberfest*) адресант, спрашивая санитару *p* (где находится пьяный судья), таким способом приказывает ему *q* (отнести того в барак): при помощи эксплицитного квеситива с пропозицией *p* конструируется имплицитный директив с пропозицией *q*.

Среди полиимплицативных РА выделены РА без иронического переосмысления (4) и РА с ироническим переосмыслением. Характерные признаки последних – пропозициональная импликация $p+>\sim p$, $\sim p+>p$ и субъективная оценка. Вместе с переосмыслением пропозиции в таких РА происходит также переосмысление пропозициональной установки, причем в интенцию адресанта входит дополнительная перлокутивная цель донести до адресата обратную пропозициональную установку. Это отличает иронические РА от неискренних, где нарушается условие искренности. Следующий дискурсивный фрагмент иллюстрирует самоиронию адресанта (Гавличека), вынужденного жить на пограничном мосту, потому что ни одно из государств не принимает его из-за недоразумения. Он предлагает пограничнику перейти границу и объяснить властям ситуацию:

(5) Konstantin: *Ich hinüber? In Uniform? <...> Ausgeschlossen! Ich darf ja nicht mal auf die Brücke und derweit ist die doch nur neutral! Jetzt erst noch auf das andere Ufer – das ist grotesk!*

Havlicek: *Und ich bin vielleicht nicht grotesk? (+> Ich bin grotesk) Großer Gott, wie kompliziert!*

Konstantin: *Völkerrecht, Herr! Haag und Genf. (Horváth: Hin und her, S. 224)*

Konstantin: *Я – на ту сторону? В униформе? <...> Исключено! Мне даже на мост не разрешается, а он ведь нейтральный! Сейчас, на другой берег – это смешно!*

Гавличек: *А я не смешон? (+> Я смешон) Боже мой, как все сложно!*

На реализацию того или иного имплицативного смысла объективно указывают:

- вербальные индикаторы имплицитных смыслов (например, фразеосхемы в (1), (2), модальные частицы *vielleicht, nicht* в (5));
- экспликация имплицитного смысла адресатом или третьим лицом в проспективном языковом контексте (3);
- вербальная или невербальная реакция адресата именно на имплицитный смысл (4);
- дискурсивный контекст.

Для каждого типа имплицитных РА установлены специфические вербальные индикаторы имплицитных смыслов. Высказывания, которые реализуют конвенционализированные РА, в качестве вербальных индикаторов имплицитного (конвенционализированного) смысла демонстрируют фразеологические средства – неспецифические (фразеосхемы), пословицы), фигуративные и эллиптические фразеологизмы, в которых лексические и грамматические явления выступают в неразрывном единстве. Фразеосхемы эксплицируют условия успешности РА и включают модальные глаголы, модальные слова частицы, ограничительные частицы, негативные, адресатные, безличные и неопределенно-личные местоимения, темпоральные и качественные наречия, междометия, условное наклонение глагола, суперлативы, диминутивы, парентетические элементы, специфическую

лексику, парцелляцию, повторы, инверсию, эллипсис, субординацию, инфинитивные конструкции, обращения.

В высказываниях, реализующих имплицативные РА, вербальными индикаторами имплицитных смыслов являются лексико-грамматические средства, фокусирующие отдельные элементы пропозиции – аргумент, предикат, коннектор, модификатор, пресуппозицию, или всю пропозицию, среди которых выделяются лексико-грамматические единицы-носители конвенциональных имплицатур, фразеологизмы, парцелляция, инверсия, повторы, противопоставления. Для реализации имплицативных РА характерны также перлокутивные индикаторы.

5. Выводы. Систематизация широкой, разнообразной палитры речеактовых имплицитных смыслов, функционирующих в немецкоязычном диалогическом дискурсе, представляется возможной с привлечением когнитивно-прагматического подхода.

Природа речеактовых имплицитных смыслов рассматривается как единство их когнитивных, коммуникативно-прагматических и языковых воплощений. Эти смыслы характеризуются интендированностью, т.е. наличием в коммуникативной интенции адресанта перлокутивной цели донести имплицитный смысл до адресата.

Когнитивным воплощением имплицитных смыслов является дискурсивная импликация – ментально-коммуникативный процесс конструирования пропозициональных, иллокутивных и перлокутивных имплицитных смыслов в диалогическом дискурсе по типу ‘интендирование – вывод’ в ходе реализации имплицитных РА, представляющих собой коммуникативно-прагматическое воплощение имплицитных смыслов. Их языковыми воплощениями выступают вербальные индикаторы имплицитных смыслов, специфические для каждого типа имплицитных РА.

Категория дискурсивной импликации является когнитивно-прагматической понятийной категорией – обобщенной, вариативно представленной в языке и речи и связанной с речемыслительной коммуникативной деятельностью говорящих при реализации дискурса.

Категория дискурсивной импликации как речемыслительный процесс конструирования коммуникантами имплицитного смысла репрезентируется в дискурсе при помощи имплицитных РА, которые объединяются в когнитивно-прагматическое поле на основании признаков данной категории и образуют не прямой дискурс.

Такой подход позволяет систематизировать имплицитные РА, реализующиеся в немецкоязычном диалогическом дискурсе, в виде поля, имеющего доминанту, ядро и периферию (соответственно, полиимплицативные, моноимплицативные и конвенционализированные РА).

Перспективы исследования определяются необходимостью углубленного изучения выделенных типов имплицитных РА с учетом особенностей дискурсивной импликации в их реализации, а также привлечения

диахронического подхода к рассмотрению имплицитных РА с целью выявления скалярных характеристик имплицитных смыслов, закономерностей процесса конвенционализации смыслов в немецком диалогическом дискурсе как конструкте, подверженном исторической динамике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет философского изучения / И.В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83–91.
2. Багдасарян В.Х. Проблема имплицитного (логико-методологический анализ) / В.Х. Багдасарян. – Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1983. – 183 с.
3. Бацевич Ф.С. Про один тип прагматичних аномалій, або чим можна зіпсувати натяк? / Ф.С. Бацевич // Мовознавство. – 2000. – № 2-3. – С. 16–23.
4. Белозьорова О.М. Дискурсивні властивості мовленнєвого акту натякання (на матеріалі сучасної німецької мови) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / О.М. Белозьорова; ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – Харків, 2007. – 20 с.
5. Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1984. – 133 с.
6. Герасимова О.И. Косвенные высказывания и проблема конвенционализации / О.И. Герасимова // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. – Калинин : Изд-во Калининского гос. ун-та, 1986. – С. 141–145.
7. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
8. Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания / К.А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37–47.
9. Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Марьямянов. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 200 с.
10. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
11. Кобозева И.М. Об одном способе косвенного информирования / И.М. Кобозева Н.И., Лауфер // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1988. – Т. 47. – № 5. – С. 462–471.
12. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной имплицитивной семантикой в дискурсе (языковой, логический и прагматический аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Л.В. Лисоченко ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 1993. – 48 с.
13. Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / А.А. Масленникова ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб, 1999. – 35 с.

14. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Л. : Наука, 1978. – 388 с.
15. Непрямая коммуникация : сб. научн. тр. / отв. ред. В.В. Дементьев. – Саратов : Колледж, 2003. – 350 с.
16. Нефедова Л.А. Когнитивно-типологический аспект имплицитной коммуникации (на материале французских текстов и их переводов на русский язык) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Л.А. Нефедова ; Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 41 с.
17. Поспелова А.Г. Косвенные высказывания / А.Г. Поспелова // Спорные вопросы английской грамматики. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – С. 141–153.
18. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения / О.Г. Почепцов. – К., 1986. – 115 с.
19. Романов А.А. Иллокутивные индикаторы прямых и косвенных речевых актов / А.А. Романов // Речевые акты в лингвистике и методике. – Пятигорск : Изд-во ПГПИИЯ, 1986. – С. 195–200.
20. Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов : мат-лы межд. научн. конф., (Калининград – Светлогорск, 15-17 сентября 2005 г.) / Рос. гос. ун-т им. И. Канта ; под ред. С.С. Ваулиной. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – 334 с.
21. Старикова Е.Н. Имплицитная предикативность в современном английском языке / Е.Н. Старикова. – К. : Вища школа, 1974. – 142 с.
22. Сусов И.П. История языкознания / И.П. Сусов. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2006. – 295 с.
23. Сыщиков О.С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.С. Сыщиков ; Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2000. – 23 с.
24. Федоренко С.Е. Ироническое высказывание как один из видов небуквальных речевых актов / С.Е. Федоренко // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2007. – Вып. 7 : В мире языка. – С. 139–143.
25. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте / М.Ю. Федосюк. – М. : Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1988. – 84 с.
26. Шевченко І.С. Когнітивно-комунікативна парадигма і аналіз дискурсу / І.С. Шевченко // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Харків : Константа, 2005. – С. 9–20.
27. Шевченко И.С. Абрис когнитивного вектора прагмалингвистики / И.С. Шевченко, И.П. Сусов, Л.Р. Безуглая // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – 2008. – № 811. – С. 3–7.

28. Шендельс Е.И. Имплицитность в грамматике / Е.И. Шендельс // Сб. научн. тр. МГПИЯ им. М. Тореца. – М. : Изд-во МГПИЯ, 1977. – Вып. 112. – С. 109–120.
29. Austin J.L. How to do things with words / J.L. Austin. – Cambridge/Mass. : Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p.
30. Busse D. Konventionalisierungsstufen des Zeichengebrauchs als Ausgangspunkt semantischen Wandels / D. Busse // Diachrone Semantik und Pragmatik. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – S. 37–65.
31. Carston R. Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics / R. Carston // Mind and Language. – 2002. – Vol. 17. – № 1-2. – P. 127–148.
32. Grice H.P. Logic and Conversation / H.P. Grice // ders. Studies in the Way of Words. – Cambridge (Mass.), L. : Harvard Univ. Press, 1991. – P. 22–40.
33. Searle J.R. Indirekte Sprechakte / J.R. Searle // ders. Ausdruck und Bedeutung. – Fr./M. : Suhrkamp, 1982. – S. 57–79.
34. Sinclair M. Fitting pragmatics into the mind: Some issues in mentalist pragmatics M. Sinclair // Journal of Pragmatics. – 1995. – Vol. 23. – P. 509–539.
35. Sperber D. Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Oxford, Cambridge : Blackwell, 1990. – 279 p.
36. Wunderlich D. Zur Konventionalität von Sprechhandlungen / D. Wunderlich // Linguistische Pragmatik. – Fr./M. : Athenäum, 1972. – S. 11–59.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Horváth Ö. v. Kasimir und Karoline. Ein Volksstück / Ödon von Horváth // Spectaculum 8. – Fr./M. : Suhrkamp, 1965. – S. 181–230.
2. Horváth Ö. v. Hin und her / Ödon von Horváth // ders. Gesammelte Werke. Bd. 3 : Komödien. – Fr./M : Suhrkamp, 1978. – S. 201–272.
3. Beltz M. Die Frankfurter Verlobung / Matthias Beltz // Theater, Theater: Aktuelle Stücke 12. – Fr./M. : Fischer, 2002. – S. 93–144.
4. Müller H. Der eine und der andere. Szenische Dialoge / Helmut Müller. – München : Klett, 1995. – 55 S.
5. Sperr M. Landshuter Erzählungen / Martin Sperr // Wunschkonzert: Stücke aus der BRD, Österreich und der Schweiz. – M. : Raduga, 1983. – S. 265–330.